

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXII ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1988
Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1989

Анвар Кадир Мухамед

ВЛИЯНИЕ ХАФИЗА НА ТВОРЧЕСТВО КУРДСКОГО ЛИРИКА МАУЛАВИ (1806-1882)

В этом сообщении речь пойдет о курдском поэте Маулави, писавшем на диалекте "сорани". Поэзия на этом диалекте почти не изучена и не известна в русской специальной литературе. Между тем поэзия на сорани представлена значительными поэтами, крупнейшим из них был лирик Маулави, творчество которого живыми узами было связано с поэзией Хафиза.

Настоящее сообщение представляет собой фрагмент исследования этих связей и посвящено показу некоторых мотивов и образов, общих для обоих поэтов.

Прежде всего при чтении дивана Хафиза мы замечаем сходство образов Маулави с образами поэзии Хафиза. Возьмем частую у Хафиза тему вина и виночерпия. Оба поэта - Хафиз и Маулави - обращаются к виночерпию в состоянии, когда бывает охвачены чувством тревоги за жизнь, и считают вино - один из важнейших суфийских символов, олицетворяющих любовь к Богу, - единственным спасением. Однако для каждого из поэтов мы различаем особый набор выразительных средств, вполне оригинальных художественных образов и поэтических приемов. В отличие от Хафиза, Маулави реже обращается к виночерпию в начале газели, напротив, именно этим обращением к виночерпию завершаются его газели. Приведем строки Хафиза в сравнении со стихами Маулави. У Хафиза¹ в начале:

ساقیا جام مینم ده که نمانده غیب کسی ندانست که در کردنی در بار چه کرد

О виночерпий, дай нам чашу вина,
кто знает, что сотворит с нами
чеканщик загробного мира!

(Хафиз, с. 857)

Стихи Маулави² - конец газели:

چهار خبیج مهر که در رخ مهر نه جارای
وه رنگ دل وه رازخ می بیانه وه
غرسه تازی، نظیر تالان مایه بو

ساقی نینه به زم وه نسل پاران
ده وزن در وه بزم وه بیانه وه
جامیان چه دهی تو هم سده بو

О виночерпий, это радости встречи с друзьями.
Судьба непреклонна.
Обнеси с радостью нас чашей
И очисти жвачину сердца вином,

Чтобы мы из твоих рук приняли чашу.

Это случай, которого может быть нам больше не предоставит
судьба! (Д., с. 47-48).

Хотя наблюдается полное внешнее сходство мотивов, различие психологических установок очевидно. В этом бейте Хафиз высказывает пожелание, чтобы вино осветило его сердце, и жизнь улыбнулась ему. Маулави также дорожит моментом присутствия виночерпия и жаждет испить чашу вина, опасаясь, что такая возможность может больше ему не представиться. И оба поэта страшатся сетей судьбы.

Сходство обнаруживается и между другими поэтическими образами Маулави и Хафиза. Например, образ корабля и моря. Хафиз уподобляет себя кораблю, находящемуся в море. Образ корабля встречается и у Маулави, но олицетворяет он любовь; в этом символе поэт соединяет чувственное с рациональным. Оба поэта пребывают в ожидании спасительного ветра, но каждый представляет его по-своему. Хафиз говорит:

کشتی نستگانه ای باد شرطه بر خیزد / باشد که باز ببینم آن روس آشنا

Мы - корабль, застывший без движения в море.

Дуй, ветер добра,

Чтобы мы вновь увидели то знакомое и любимое лицо.

(Хафиз, с. 33-34)

Маулави:

نه گشتی نه گنجی / نه جویسم نه فینبندی می جا
با خودا ره / اینی راسی تا خودا نه ناسی / درویش پروردت که جیلوی ستاره که راس
کی بدوگت تا آخرت / نه ناووه / تا باد مراد نه دیتوا ره وه

Забейся в угол карты этого корабля любви,

Кружащего в водовороте бездонного моря.

Взгляд свой устреми на эманацию звезды,

Не надейся на ведущего корабль, а верь только Богу,

И, может быть, тогда поднявшийся с суши ветер надежды

Прибьет тебя к берегу.

(Д., с. 364-365)

Оба поэта обращаются к реалиям кочевой жизни, с их помощью конструируют выразительные поэтические образы.

Так, Хафиз писал:

مگر بیخ اجل خیمه برکنم زنی / رسیدن از در خوت فرسم و راه می است

Если только нож смерти не подрубит мою палатку,

Не в моих обычаях убежать от порога дворца правителя...

(Хафиз, с. 357)

У Маулави:

به زاروت شادیم چه بیخ تاره دهن / دوریست بریضی دل خمیه کنن کهر دهن

Твои горести с корнем вырвала радость
И разлука с основанием вырвала палатку моего сердца.
(Д., с. 108)

Большое сходство мы обнаруживаем у обоих поэтов при их раздумьях о старости. У Хафиза вино поцелуя возвращает силы молодости.

У Маулави это достигается божественным вином. Сравним, у Хафиза:

گفتم تر لعل نوشی اماں پھر لعل سے درد گفتم بیوسہ شکرینشی جوانی کند

Я спросил: какая польза старику пить яхонты губ?

Он сказал: сладкие поцелуи возвращают старику молодость.

(Хафиз, с. 1156)

Маулави говорит:

مستی وہ پیدیں جوانی سداۓ ہیز دربارہ ز زانی سداۓ

Опьянение дает старикам молодость

И возвращает силы их коленям.

(Д., с. 459)

Отметим два очень похожих образа у названных поэтов. Оба обращаются к глазам, как единственно достойному для пребывания возлюбленной месту. Однако Маулави, как нам кажется, углубляет образ тем, что расширяет понятие "дом" до понятия "Родина", выражая тоску от разлуки с родиной.

У Хафиза:

رواق منظر چشم من آشیانہ است کرم نهاد فرود آید خانه خانه است

Зеница моего ока - твоё гнездо.

Сделай милость, приди - это твой дом.

(Хафиз, с. 251)

У Маулави:

منوہ نہ کسی سے دیدہ کسی سے ہاں پریشانی غریبوں تاکہ ہے وہ تو در ساری وقت

Сама Родина из глубины моих глаз смотрит на дорогу,

ожидая тебя,

Хватит тебе быть на чужбине, возвращайся в родные места!

(Д., с. 27)

Многие символы и образы, встречающиеся у Маулави, являются традиционными для восточной поэзии. Маулави же употребляет их иногда так же, как и Хафиз, а иногда по-своему. Примерами могут служить: образ султана Махмуда Газнави и его фаворита Аяза, образ пророка Мухаммеда и его неверующего дяди Абу-Лахаба, образ иранского шаха Джемшида (Джам), змеи, стерегущей сокровища и прочие.

Создавая образ змеи, лежащей на сокровищах, или образ цветов и шипов, Маулави находит свое поэтическое осмысление мотива дуализма, характерного для восточной поэзии, традиционно освещаю-

щей две стороны жизни, ее радости и печали.

У Хафиза:

حریں بچن گل بی خار کسی نمی دس آری . چراغ مصطفوی باخترار دولهت
В этом саду никто не срывал цветов без шипов,
И лампа Мустафы [пророка Мухаммеда] не бывает
без искры Абу-Лахаба.

(Хафиз, с. 48-49)

У Маулави:

تو نه و گول مانع مصطفوی بی گونج نه زانیں مرثوی بی
گول ساده نشن بی خار نصیبی گونج زدوی، نه بی خار سه بو
Ты была новым цветком в саду Мустафы,
А ты был сокровищем в казне Муртаза [Али Абу Талиб].
Не бывает цветов без шипов,
Как не бывает сокровищ без [сторожащих их] змей.

(Д., с. 98)

Оба поэта вводят в стихи образ Джамшида.

У Хафиза:

قدح بشرط آداب گیر زان که ترکیبی ز ما سه سر سعید و سیه و ثیاباد
Возьми чашу как полагается, потому что она изготовлена
Из черепов Джамшида, Бахмана и Курбада.

(Хафиз, с. 661-662)

У Маулави:

دایم حوسره شیرین و هم دا جام دا و سه رجیم، هم و سه رجیم دا
Судьба омрачила радость Хосрова и Ширин,
Разбила чашу о голову Джама и швырнула Джама в толпу.

(Д., с. 179)

Маулави, как и Хафиз, широко пользуется игрой слов. Он четыре раза упоминает слово "Джам", два раза имея ввиду Джамшида, один раз - чашу (зеркало Джамшида), и еще раз - толпу. У обоих поэтов; встречаются термины "санам" (идол), "самад" (эпитет Аллаха), "джамал" ("красота", эпитет Аллаха), "джалал" ("могущество", эпитет Аллаха). Сравним один бейт у Хафиза:

گفتم صنم دست منو با صد زین گفنا بلوی عشق صین و صان کنند
Я говорил: не поклоняйся идолам, будь с Самадом.
Он сказал: на улице любви делаю и то и другое.

(Хафиз, с. II55)

Маулави:

صنم هم بهرستیم صمد ما سان حوسره کورده سه درون صحنه داستان
Я не поклоняюсь идолам, я поклоняюсь Самаду.
Дым мехов глубины души - истина.

(Д., с. 94)

Этими частными примерами не исчерпывается, конечно, связь лирики Маулави с персоязычной поэтической классикой, которая была ему близко знакома с детства и оказала сильное влияние на сложение творческой индивидуальности курдского поэта.

1. *دیوان حافظ شمس سرودی بر زبان حافظ اشعار* ۱۳۴۱، جلد ۱، ۱۳۴۲ جلد ۲
Диван Хафиза. Критический текст и комментарии Суди. - Тегеран, т. I, 1341; т. II, 1342. Далее - Хафиз.
2. *دیوانی مع ولیدی کلا کرد نوره و کتلتو کینه ووه و کیندا نه ووس ملا عبدالکریمی هو* بغداد ۱۹۶۱
Диван Маулави. Критический текст и предисловие Муллы Абдуль-Карима Мудариса. - Багдад, 1961, Далее - Д.

М.А.Болдырева

ЗАШИФРОВАННОСТЬ ЯЗЫКА СОВРЕМЕННОЙ ИНДОНЕЗИЙСКОЙ ПОЭЗИИ (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЙ ДВУХ ПОЭТОВ)

Современной индонезийской поэзии в высокой степени свойственна зашифрованность поэтического языка.

Она является следствием определенных черт, присущих индонезийской современной поэтике: сложная ассоциативно-образная система; символика, нередко труднодоступная пониманию; двузначность и многозначность текста; сложный подтекст как следствие ассоциативной образности; и, наконец, приемы недоговоренности и намеков как поэтическая манера, свойственная творчеству ряда современных индонезийских поэтов так же, как некоторым произведениям современной поэзии вообще.

Названные черты хорошо видны на примере двух стихотворений двух индонезийских поэтов - Сапарди Джоко Дамано и Тути Нурхади - поэтов очень разных, но явственно выражающих эти черты.

Стихотворение Тути Нурхади "Одинокий рыбак".¹

Великолепные облака
проходят мимо луны, которая, как всегда -
остается одна

пока она ловит взгляды
собранные в сети ясной ночи
взгляды, исполненные тщетной жадной

луна, когда мир утихнет
и не видно больше человека, для кого же тогда
твое тело цвета лангсата, ласкаемое облаками